

Игорь Голосенко

Санкт-Петербург

РУССКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

О ФЕНОМЕНЕ ПРОСТИТУЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда. Проект N 96-03-04031

В России, по данным библиографических указателей, с 1861 по 1917 гг. вышло 431 отечественное издание о проституции и 37 переводов (1). Проституции совершеннолетних женщин было посвящено 411 изданий, и я, соответственно, буду иметь дело только с материалами о ней. Кстати, русские писатели, художественно исследовавшие феномен проституции (Л.Толстой, Ф.Достоевский, А.Чехов, М.Горький, А.Куприн, А.Амфитеатров и др.) также описывали только ее женскую разновидность. С конца XIX в. в стране началось массовое анкетное обследование проституции и "половая перепись" ее потребителей (военнослужащих, студентов и т.п.). Некоторые из исследований (например, А.Дубровского) были очень высокого научного качества и не имели аналогов в зарубежной литературе (2). Какими же методами пользовались русские исследователи? Во-первых, они признавали плодотворность междисциплинарного подхода к проблеме. В этой связи красноречивы подзаголовки многих работ - "Историко-социологический этюд", "Физиология общественного недуга", "Исторический обзор", "Социолого-медицинский этюд", "Историко-статистическое исследование" и т.п. Во-вторых, ученые использовали все методы, практикуемые в обществоведении той поры: антропологические, генетические, статистические, историко-сравнительные, типологические, анкетные опросы и интервью. При этом объективность вследствие применения указанных научных методов обильно сочеталась с откровенным морализированием, субъективным сочувствием к "павшим" и желанием их "спасения". Сочетание этих двух моментов - "объективного и должного" - вообще четко характеризует многие направления русской дореволюционной социологии. Каково же бывало изумление исследователей, когда они сталкивались с фактами отказа со стороны проститутки быть "спасенной".

Суммируем некоторые из полученных отечественными социологами выводов относительно типологических характеристик проституции (стратификация и мобильность), организации промысла и способов прикрепления к нему. "Общество создало проституцию,

оно поддерживает и распространяет ее различными путями," - писал М.Кузнецов, один из самых серьезных исследователей вопроса (3, с.15). Исследования, проводимые с середины XIX в., показали, а в начале XX в. подтвердили, что проституция в сословно-традиционном обществе имела довольно классический стратификационный профиль равнобедренного треугольника, составные части которого венчались острой малочисленной вершиной, постепенно разворачивалась до численно более значимой по составу средней части и завершалась широким основанием. В странах с развитым средним классом "композиция" проституции воспроизводила ромбовидный профиль. Размещение проституток по всем трем уровням отражало качество и стоимость "товара" (т.е. сексуальных услуг), социальное положение и финансовые возможности потребителей, формы организации "продажи", признанные (или не признанные) со стороны административных учреждений. Наряду с географической мобильностью, т.е. сезонным или ситуативным перемещением проституток по стране, были обнаружены лифты социальной мобильности и основные направления статусного перемещения по ним.

Прежде всего исследователи выделили формы проституции, для обозначения которых использовалась разная терминология: официально-признанную (поднадзорную, "разрядную") и тайную ("гражданскую"). Первая находилась под учетом и контролем со стороны государственных органов, вторая носила скрытый и самодетельный характер. Многие исследователи отмечали, что тайная проституция представляет собой громаду, в сопоставлении с которой официальная - крохотная частичка явления. "Это самый огромный и разнообразный класс проституток", состоящий из женщин всех званий, сословий, общественного положения и возрастов (3, с.10). Она подлежит лишь ограниченному наблюдению и не поддается сколько-нибудь точному цифровому подсчету. Если официальная, поднадзорная проституция составляет своеобразное постоянно воспроизводимое ядро явления, то тайная часто бывает на его периферии, иногда она носит эпизодический и даже разовый характер. Но рекрутируется состав первой только за счет второй (4, с.236-237). Точное "число публичных женщин не знает никто, даже самые лучшие статистические бюро", можно только предположить, признавались исследователи, что для получения приблизительно верного общего количества проституток следует число официальной увеличить в 5-10 раз (5, с.151; 6, с.583). Выборочные исследования обнаруживали еще большие расхождения. "В Одессе, - отмечал А.Вислоуха в 1904 г., - имеется около 10000 женщин, промышляющих развратом, а по полицейским данным всех зарегистрированных проституток там только 400. То же и в других городах" (7, с.595).

Отличаясь в количественном и в ряде других отношений, оба вида проституции имели в целом сходное внутреннее строение, прежде всего по двум показателям: а) по организованной или самодетельной форме промысла; б) по типу потребителей и, соответст-

венно, доходам проституток- высшая ("камелии"), средняя и низшая ("панельная") проституция. Лучший товар, как и любые другие товары, "захватывался всемогущим капиталом, низшие сорта оставались на долю бедности" (5, с.159). С этим экономическим критерием стратификации любопытно сочеталась национальная дифференциация проституток: подавляющая часть "камелий" были иностранками, большей частью француженками и немками (при переписях кто только не попадался, даже экзотические негритянки и японки), средний слой состоял преимущественно из русских женщин, а самый низший класс состоял почти единственно из одних русских женщин (5, с.160). Практически представительницы всего этнического богатства Российской империи обнаруживались в составе проституток, но русские все же преобладали, после них ближние места, как правило, занимали жительницы Прибалтики и еврейки.

Сопоставим более подробно оба вида проституции по перечисленным выше показателям, учитывая, что по числу компонентов и некоторых функций тайная проституция была несколько сложнее официальной, абсолютно зеркального совпадения между ними не было.

Организованная часть официальной проституции состояла в начале XX века из публичных домов трех модификаций в зависимости от финансовых возможностей потребителя: дорогих публичных домов с модной мебелью, паркетными полами и красивыми женщинами в "роскошных до безобразия платьях", рассчитанных на состоятельных потребителей, оставлявших за вечер до сотни рублей; многочисленных и переменных по убранству и цене домов менее высокой категории для потребителей из среднего класса (мелкого чиновничества, купечества средней руки, студенчества и младших офицеров), в которых взимались 1-3 рубля за время и 3-7 рублей за ночь; убогие, дешевые дома для бедного люда (мастеровых, солдат, бродяг и т.п.), платившего за секс-услуги от 30 до 50 копеек серебром. Все виды домов обычно сосредоточивались по известным кварталам. Так, в Петербурге дорогие дома сосредоточивались на Лиговском проспекте и Чубаровском переулке, в Москве - в Соболевском переулке, в Одессе скучивались на Нежинской и Дерибасовской; низшие ютились в столице на Сенной, в Москве - на Драчевке и Козихе. И так было во всех городах империи.

Неофициальная проституция воспроизводит сходную организационную композицию, состоящую опять же из трех модификаций: аристократических клубов-притонов, организаций для средних классов (танцклассы, квартирные "салоны") и притоны дна ("малины", "углы"). Женщины эксплуатировались во всех видах промысла достаточно безжалостно, но в организованной части официальной проституции они могли в конфликте с бандершей искать защиты у закона, который пресекал злоупотребления с ее стороны, в то время как во втором случае они были абсолютно

лишены прав, выступая только "товаром", "вещью". С точки зрения количества проституток в 1216 официально зарегистрированных домах терпимости, по исследованию А.Дубровского, в конце XIX в. составили с 2 проститутками - 9,4%, с 3-5 - 34,6%, с 8 - 9,2% и от 17 до 25 и более- менее 3%. Самая многочисленная по империи доля - по 3 проститутки - составила 11,9%.

До 10 лет существовал 241 дом, более 50 лет-9 домов, до 5 лет- более 100. Публичные дома-долгожители чаще всего встречались в крупнейших городах - Москве, Петербурге (2, с. XVIII). В последующие два десятилетия XX века общее число публичных домов увеличилось и незначительно колебалось вокруг 2000. Но с учетом этого увеличения показатели по количеству проституток и по продолжительности существования домов в целом оставались прежними. Эти цифры говорили об устойчивой потребности в существовании публичных домов с их услугами.

Самодетельную часть официальной проституции составляли женщины ("желтобилетницы"), промышлявшие в одиночку на свой страх и риск. Они снимали комнату или дешевую квартиру, куда приводили клиентов, главным образом из среднего класса. Иногда они договаривались с извозчиками, которые выступали сводниками, за мзду (иногда натурой) привозили к ним подвыпивших посетителей ресторанов и пивных. Разумеется, о деятельности "желтобилетницы" знали не только полицейские из ближайшего участка, но и дворник, домовладелец и со временем начинали догадываться соседи, так что стена морального осуждения и отчуждения постепенно выстраивалась вокруг этой женщины. Вот почему они часто (почти ежемесячно) меняли адреса.

Самодетельная часть неофициальной проституции была более разнообразной по составу и как элемент "договорных" социальных отношений имела некоторые рудиментные полуорганизованные формы. В ней выделялся не один тип женщин и класс потребителей, как в официальном варианте, а три типа: прежде всего - "камелии", блистательные молодые и дорогие женщины, имевшие состоятельных и знатных покровителей. Этот элитарный, малочисленный слой часто был вхож в свет и полусвет, посещал разнообразные светские увеселения, содержал свои салоны, имел своих личных врачей и ложи в театре. Проживали "камелии" в великолепных квартирах на самых лучших улицах, имели дорогие экипажи, модные наряды и драгоценности. Если у "камелии" был один влиятельный покровитель, то, как правило, она заводила еще и тайную любовную связь с одним или несколькими из посетителей ее салона.

Вторая разновидность самодетельных проституток вербовалась из многочисленной домашней прислуги, гувернанток, швей, портних, цветочниц, модисток и т.п., которые вечерами "подрабатывали", торгуя своим телом, так как оплаты за их дневной труд решительно не хватало на жизнь. Потребители этого

“товара” - средний класс, оплата услуг договорная, но не выше оплаты в публичных домах средней категории.

И наконец, третий тип составляли самодеятельные проститутки для социальных низов. Они отдавались за гроши, ниже платы в дешевых публичных домах, иногда за шкалик водки и миску щей в ближайшей закускойной. В жалком рублище, вечно грязные, "вечно голодные и вечно пьяные", старые и дряхлые женщины - констатировал исследователь (5, с.160). Учитывая ужасные условия их существования, они в массе своей представляли "громадную фабрику сифилиса" (5, с.163; 6).

Второй и третий тип иногда имели некие формы надорганизации - в лице сутенера (по-русски их называли "котами"), который защищал проститутку при угрозе ограбления или оскорбления, обеспечивал углом, часто становился любовником и всегда нещадно паразитировал на ее промысле и цепко следил за его возобновлением при болезни или попадании подопечных проституток в тюрьму.

Разрабатывался русскими социологами и вопрос о социальной мобильности проституции: каналы пополнения, возможности и пути выхода из промысла, пространственная и сезонная циркуляция, перемещение по стратам и т.п. Исследователи разных направлений дружно подчеркивали, что выход из проституции был весьма затруднителен. Не случайно в официальном перечне причин, по которым власти обязаны были оказывать содействие просьбе проститутки вернуть ей прежний статус, на первом месте шла тяжелая, неизлечимая болезнь (как правило, чреватая неминуемой...смертью) (8,9,12). Ремесло проституток, писал М.Кузнецов, "успевает наложить на них печать отвержения", старая семья их не принимает, общество в порыве морального негодования не дает руку помощи, а толкает назад в пропасть (3, с.20). Счастливые выходы имели место, но крайне редко! Несколько проще стало это сделать при создании движением феминисток системы "трудовой помощи", в одиночку же проститутка не могла освободиться от нитей, привязывавших ее к ремеслу.

В России было обнаружено несколько относительно стабильных потоков географической мобильности и несколько потоков вертикальной социальной мобильности в сфере проституции. Так как крестьянки, по социологическим и статистическим замерам, составляли в целом половину состава проституток (иногда по разным годам и десятилетиям чуть меньше, иногда значительно больше), то пополнение этого состава по вектору "деревня-город" был главным. Создание разветвленной сети железных дорог, соединившей многие крупные города империи, поддерживало постоянный напор потока. Большая часть молодого женского населения из разоренной деревни не могла найти сносную работу или устраивалась без достаточного денежного довольствия, что автоматически толкало на рынок сексуальных услуг. Агенты публичных домов охотились не только за вновь прибывшими на вокзалах, но и следили даже за теми, кто

находил работу. В печати как-то сообщалось, что в течение трех лет с одной только Морозовской мануфактуры 50 молодых и красивых женщин было увезено и передано в публичные дома (4, с.118). В мелких уездных городках дело обстояло иначе. Здесь проституировали холостые и замужние, бедные вдовы и одинокие женщины, чаще всего - "солдатки". Главным образом они были из прислуги или лиц, занятых на поденной работе. Занимались промыслом "между делом", особенно не морализируя на сей счет, отделяясь незамысловатыми оправданиями: "не мыло - не смылится!" Многие из них, если удавалось выйти замуж, отмечал наблюдатель нашей провинциальной жизни, в дальнейшем жили "по-божески" (10, с.3).

Второй географический поток "Прибалтика - Россия" был зафиксирован с 60-х годов XIX в. и сохранялся более 50 лет, он был связан в первую очередь с Ригой, служившей перевалочным пунктом женщин из Франции, Германии, Польши и других западноевропейских стран, где будущих проституток (были среди них и русские "воспитанницы") специально готовили к ремеслу. Агенты публичных домов регулярно приезжали за новым товаром и развозили его по стране (11, с.1).

Довольно четко обнаружили сезонные циклы мобильности проституток, вслед за перемещениями или концентрацией потребителей. Летом основной массив городских проституток всех классов перемещался на лоно природы. "Камелии" жили в роскошных курортных домах, на дачах, снимаемых их содержателями. Промежуточный класс гнезвился на дачах среднего класса. Многие хозяйки дач сдавали внаем не только постройки, но и себя. А.Чехов описал это в одном из рассказов. Как ни удивительно, даже проститутки низкого пошиба часто на лето отправлялись за город, подчас проводя жизнь под открытым небом (3, с.27). С наступлением осени они, с постоянством птиц, улетающих на юг, перебирались в город.

В экономической жизни России большую роль играли промышленно-торговые ярмарки, собиравшие значительное количество мужчин, временно вырванных из семьи (купцов, фабрикантов, финансистов, биржевых и торговых маклеров, покупателей и т.п.). Столичные публичные дома для проведения ярмарки переезжали туда. Даже женщины ближайших деревень уходили в ярмарочные города на сезонный промысел. С прекращением ярмарки все возвращались обратно. Эти циклы повторялись достаточно регулярно, так что на знаменитой нижегородской ярмарке была заведена даже специальная служба, проводившая помимо врачебно-полицейского надзора научное изучение вопроса. Похожие перемещения демонстрировали и портовые (особенно морские) города - Петербург, Рига, Одесса и другие; с открытием навигации, в частности, столичные проститутки заполняли Кронштадт и оставались там на несколько месяцев.

Что же касается вертикального статусного перемещения и вопроса прикрепления проституток к ремеслу, то обнаружили сле-

дующие зависимости. "Камелии" и "аристократки" богатых публичных домов остаются в этом положении хронологически недолго. Из них подавляющая часть была иностранками, хотя встречались и русские. Иностранки относились к ремеслу этически бесстрастно, индифферентно, не видя в нем ничего постыдного. Расчетливо накопив капитал (а вели они себя рационально, скаречно, не в пример русским, склонным к разгулу и мотовству), они уезжали на родину, где часто выходили замуж. Русские "камелии" много пили; Л.Толстой считал, что делалось это с целью утопить свое горе и забыться в вине. Те счастливицы, которые в блеске жили и в блеске умирали, уходили из жизни в самом расцвете лет, молодости и красоты. Судьба других была иной: с утратой свежести и красоты "камелия" опускалась к другому классу потребителей и окружала себя толпой поклонников уже из среднего класса общества. Доходы уменьшались, на привычный образ жизни средств не хватало, шла распродажа породистых рысаков, драгоценностей, имущества, смена района проживания на более скромный. Вследствие беспутного образа жизни быстро наступала "несвоевременная старость". Рассыпалась и эта волна потребителей, и бывшая "камелия" оставалась без денег, крова и помощи. Так как она любила пускать пыль в глаза и все накопления растраниживала, то, как правило, впоследствии пополняла ряды "нашего пролетариата", который пользовался ее услугами. Иногда, писали исследователи, бывшую "камелию", к которой можно было раньше "подойти не иначе, как только будучи кем-либо представлен", можно было видеть шатающейся по Сенной в платье, пропахшем отвратительным запахом притоков дна (11, с.20-21).

Проститутки из богатых публичных домов, а некоторые из них зарабатывали в месяц больше среднегодового дохода рабочего высокой квалификации, повторяли путь "камелий", спускаясь от заведения к заведению вплоть до самых убогих. Только немногие из проституток этого класса могли вовремя сохранить капитал и жить (более или менее удовлетворительно) на его проценты, уйдя на покой. Некоторые из них становились бандершами и экономами в публичных домах.

Сходные по направленности последовательные перемещения наблюдались и у проституток среднего класса: от скромного достатка к бесприютности, голоду, холоду среди толп бродяг. Но тут обнаруживалось больше варибельности, чем у элитарных проституток. Кое-какая часть из них поступала на содержание к людям не особенно зажиточным и в этом положении доживала жизнь, иногда даже делаясь матерями и честно выполняя все обязанности, возложенные складом семейной жизни на женщину, перенося в своей "семье" жизненные радости и лишения, как и замужние женщины. Часть проституток делалась содержательницами мелких домов терпимости, экономами или ключницами там же, хозяйками притонов или тайными своднями. Хорошо зная подноготную ремесла,

они стремились воспроизводить его в качестве организаторов. Положение экономки в публичном доме любого разряда было выше средних заработков самой проститутки, ибо она получала проценты от продажи вина, фруктов, папирос и фотокарточек обнаженных "девиц" заведения в самых нескромных позах. В порядке материальной заинтересованности часть денег от продажи фотографий отдавалась самим проституткам (13, с.61).

Небольшая часть проституток среднего класса выходила замуж, что официально выводило их из разряда проституток. Однако, как указывали исследователи, "браки их бывают по большей части неудачные: или мужья попадают им из людей ни к чему не пригодных и пьяниц, или проституция успеваеет развратить женщин до мозга костей и они не могут сделаться хорошими семьянинками" (3, с.22). Наша интеллигентская иллюзия "хождения в народ" для возвращения ему "долга" имела место и в рассматриваемом нами явлении. Полная наивного энтузиазма, студенческая молодежь пыталась спасти "падших" через законный брак, кончалось все это чаще всего разочарованиями и конфузом.

На проститутках низшего разбора поток мобильности замирал, подняться вверх не было никакой возможности, опускаться еще ниже - также (ибо куда еще ниже?!). Они колебались между весьма умеренной сытостью в среднем возрасте и голодом, нищетой, неизлечимыми болезнями в старости. Положение этого слоя проституток можно "назвать исключительно безвыходным", их удел - доживать "свой век в самой ужасной нищете". Состарившиеся проститутки с каждым днем все более и более подвергаются материальным лишениям, так "что редкий день удается им поесть досыта" (3, с.23). В могилу их сводила, по врачебно-полицейской статистике, дистрофия, чахотка, запои и изнурительные поносы.

Особое внимание отечественных исследователей привлекли приемы прикрепления проституток к промыслу и его организация (14). Отмечалось, что "система коммерции развратом" была хорошо организована и даже имела международные связи. Вот почему явление проституции с социологической точки зрения толковалось нашими исследователями расширительно и более сложно, чем понималось на обыденном уровне. Сюда подключались не только сами проститутки, но и потребители их услуг (В.В.Розанов откровенно называл этот тип лиц "проститутами"), и главное - организаторы промысла. Особое место в этой системе занимали сводники, агенты публичных домов (обоего пола) и бандерши, их содержательницы. Они, без сомнения, стояли "во главе проституирующих эксплуататоров" (3, с.19; 5, с.165). Законы империи запрещали мужчинам открывать публичные дома, предоставив это право исключительно женщинам. Эмансиписток, боровшихся за равные права с мужчинами во всех (или многих) профессиях, подобная монополия особенно оскорбляла. Однако полиция часто обнаруживала, что на самом деле подлинным хозяином публичного дома был какой-либо афе-

рист, по большей части муж или любовник "мамамы". Организация публичного дома была делом выгодным, многие хозяева сколачивали значительные капиталы, т.к. 3/4 дохода (иногда и больше) шли в карман (11, с.87). В лучших заведениях сама хозяйка крайне редко показывалась в зале, всем приемом и расчетами с посетителями заведовала экономка, наблюдавшая попутно за бытовой жизнью "девиц". Иногда лучших из последних вывозили на публичные гулянья, в цирк или другие городские развлечения, особенно в кинематограф. В имперские театры вход проституткам (кроме "камелий") категорически запрещался.

Содержательницы заведения эксплуатировали проституток самым безжалостным образом, навязывая им крайне нездоровый образ жизни, который, как правило, успешно отучал женщину от любого труда, искусственно поддерживая в ней, при безделье, путем постоянного алкогольного отравления, иллюзорное состояние, в котором гнетущая атмосфера казалась "легкой и веселой" (15, с.123). Ночной образ жизни, каждодневный алкоголь, полуистерическая возбужденность, чрезмерные сексуальные нагрузки приводили к быстрому ослаблению и увяданию организма. В привилегированных заведениях "барышня" обязана была принимать 5-6 гостей в сутки, если ее не нанимали на всю ночь, в средних- 5-10 посетителей, а в низших от 20 и выше. На Рождество и Пасху, в так называемых "тридцатках", т.е. самых дешевых заведениях, где с посетителя брали только 30 копеек, на одну женщину иногда приходилось 60-80 человек в сутки (4, с.122). Кроме того, их ущемляли в гражданских правах - загоняли в своеобразное гетто, без ведома полиции не разрешали менять район проживания, свободно передвигаться по стране, отбирали паспорт и переводили на полный пансион. В соответствии с договором им покупалось платье, белье, обувь и готовилась высококалорийная еда, однако стоимость затрат, вычитаемая из их заработка, многократно завышалась. После многочисленных и неоднократных жалоб государственная администрация ввела официальные расчетные книжки, куда хозяйка обязана была вписывать расходы на каждую проститутку. Предполагалось, что эта форма контроля ограничит произвол хозяев. Но последние обходили этот контроль как могли, вписывая наряду с упомянутыми услугами новые - траты на баню, извозчика, услуги врача, отопление и освещение. Цены устанавливали невероятные. И хотя уже с конца 60-х годов закон запрещал проститутке иметь просроченный долг хозяйке свыше 25 рублей серебром, они часто были огромными (11, с.77).

У проститутки фактически не было дополнительного, не контролируемого хозяйкой заработка. Иногда посетители дарили ей лично подарки, но сумма их никогда не была значительной. Попав в дом терпимости, проститутка вязла в долгах. При смене хозяев они автоматически переводились к новой хозяйке. Эта вечная кабала могла закончиться только смертью, неизлечимой болезнью (чаще

всего венерической) или выкупом, что случалось нечасто. Официальная проститутка публичного дома "становилась вещью, которая прежде всего принадлежала ее эксплуататорам", многие хозяева смотрели на своих подопечных только как на "товар", как смотрит на свои товары хозяин любой лавки (5, с.171). В русских домах терпимости хозяйки беспощадно били своих "девиц". Экзекуции проводились в изолированной комнате утром до появления посетителей. Мокрым, свернутым в жгут полотенцем долго хлестали виноватую, наказываемую обычно за "плохое" обслуживание гостей или отказ обирать пьяных. Удары, хотя и были весьма болезненными, не наносили внешних повреждений плоти (товарный вид в соответствии с требованиями рынка следовало не портить!). Исполнителями экзекуции были либо слуги, либо любовник или муж хозяйки.

Из научных, полицейских и журналистских расследований выяснилось, что главным средством привлечения "живого товара" в публичные дома оставался все же примитивный обман женщин. В печати неоднократно приводились скандальные случаи помещения девушек из всех сословий в публичный дом против их воли. Проституция не пощадила ни одно сословие, но не в одинаковых размерах. Преобладали традиционно крестьянки и мещанки, значительно меньшая доля была из дворянок. Ничтожный и редкий процент давали женщины из кругов священнослужителей. Технология вовлечения девиц в публичный дом была простой. Их развращали, чаще всего в состоянии глубокого опьянения насиловали, делали это так называемые "присяжные мужчины", которые нанимались специально для этой цели многими публичными домами. Угроза обнародования потерянной невинности, предъявление неоплатных счетов, наделанных во время ухаживаний за нею "присяжным мужчиной", гасили волю к сопротивлению (4, с.120).

Изучив мобильность, типологию и организацию проституции, русские исследователи дружно констатировали полифакторность этого явления, развитие и функционирование которого в стране шло в корреляции с рядом других тенденций: усилением пролетаризации населения, невозможностью для женщины зарабатывать на жизнь честным трудом, наличием социальных институтов, заставлявших известную часть мужчин молодого возраста вести безбрачную жизнь, чрезмерным "скупиванием" народонаселения в больших городах, интенсификацией внутренней сети коммуникаций (прежде всего железных дорог, позволяющих быстро перебросить "товар" на место спроса) и внешней ее же сети (накопление проституток во всех портовых городах империи).

Изучая эти зависимости, наши социологи открыли ряд эмпирических закономерностей:

1. "Проституция находится в обратном отношении в числу браков", заключение и длительность которых зависит от экономического достатка населения. Поэтому перемены в материальном благополучии отражаются на росте и падении проституции (11, с.63).

2. Великие исторические перевороты типа социальных бедствий и кризисов, революций и войн, массового голода и разрухи имеют сильное влияние на увеличение проституции. Этот вывод был подтвержден печальным опытом первой мировой войны, революции и гражданской войны (16).

3. Изучая за многие годы цифровые показатели убывания контингента столичных проституток (смерть, прием в приюты, болезни, замужество, поручительство и т.п.) и показатели пополнения их рядов, М.Кузнецов сформулировал закономерность "постоянного обновления контингента проституток", по которой была постоянная повторяемость и корреляция между этими показателями, соответствующее увеличение же состава проституток наблюдалось при общем росте мужского населения (3, с.106-107,117). Интересно, что в различных, часто противоположных попытках социального контроля проституции (регламентация и аболиционизм) у нас использовались в качестве рекомендательной основы то одни, то другие из перечисленных закономерностей. Так что наши социологи, изучая проституцию, т.е. явно малореспектабельную проблему в сравнении с модными темами тех дней - "прогрессом", "солидарностью" и т.п., стремились практически помочь обществу избавиться от этой болезни. Многие из них приняли активное участие в Первом Всероссийском съезде для борьбы с торгом женщинами (1910 г.), программа которого не была реализована из-за мировой войны и последовавших за ней революций.

1. **Каплан С.И., Политов Л.Г., Готлиб С.С.** Материалы к библиографии проституции (на русском языке) // Социальная гигиена. Сб. 6. М.; Л.: Тип. "Красная Пресня", 1925; **Голосенко И.А.** Социологическая литература России второй половины XIX - начала XX века: Библиограф. указатель. М.: Онега, 1995.

2. **Дубровский А.** /ред./ Проституция в Российской империи (по обследованию 1-ого августа 1889 г.). Спб.: Тип. Статистики Российской империи. 1890. Т. XIII.

3. **Кузнецов М.** Проституция и сифилис в России: Историко-статистические исследования. Спб.: Тип. В.С.Балашева, 1871.

4. **Сабинин А.Х.** Проституция: Историко-профилактический этюд. Спб.: Тип. П.П.Сойкина, 1905.

5. Проституция в России: Картины публичного торга. Спб.: Тип. "Надежда", 1908.
6. **Шашков С.С.** Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. Спб.: Изд. И.А.Шигина, 1871.
7. **Вислоуха А.К.** К вопросу о регламентации проституции городским самоуправлением // Журнал Общества русских врачей. 1904. № 6.
8. **Обозненко П.Е.** Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета и Калининской больницы. Спб.: Тип. полиц. округа, 1896.
9. **Тарновский В.М.** Проституция и аболиционизм. Спб.: Изд. К.Риккол, 1888.
10. **Балов А.** Проституция в уездных городах Ярославской губернии // Врачебная газета. 1904. № 1.
11. **Б-ской Н.** Очерк проституции в Петербурге // Архив судебной медицины и общественной практической гигиены. 1868. № 11.
12. **Федоров А.И.** Позорный промысел // Вестник общественной гигиены и судебной практической медицины. 1908. № 8.
13. **Приклонский И.И.** Проституция и ее организация: Исторический очерк. М.: Изд. А.Карцева, 1903.
14. **Елистратов А.И.** О прикреплении женщин к проституции. Казань: Изд. Казанского университета, 1906.
15. **Елистратов А.И.** Задачи государства и общества в борьбе с проституцией // Публичные лекции. М.: Издание Московского общества борьбы с детской смертностью, 1911.
16. Проституция, война, половые болезни // Русский журнал кожных и венерических болезней. 1915. № 4-6; **Левитский В.** Дети-проститутки в дни войны // Вестник воспитания. 1916. № 2; **Броннер В.М., Елистратов А.И.** Проституция в России. Л., Госиздат, 1927; **Василевская Л.М., Василевский Л.А.** Проституция и новая Россия. Тверь: Изд. "Октябрь", 1923.